

Часть I

Первое, что меня в нем поразило, — глаза. Цепкие, глубоко посаженные, они смотрели в упор. Вообще-то, в мою сторону поглядывали все посетители чайного домика: кто украдкой, кто открыто. Но этот человек пялился так беззастенчиво, словно встретил диковинную зверушку. Я не знала, сколько ему лет; судя по морщинистому лицу — шестьдесят, а то и все семьдесят. Одет он был в пожелтевшую от времени и стирок рубашку, зеленое лонгги¹ и шлепанцы на каучуковой подошве. Ну и пусть таращится! Я с подчеркнутым равнодушием обвела взглядом деревянную лачугу с несколькими столиками и стульями, стоявшими прямо на сухой пыльной земле. На стенах висели картинки из старых календарей и фотографии молодых женщин. Их юбки до пят, кофты с длинными рукавами, стоячие воротнички и серьезное выражение лиц напомнили мне другие снимки. Те, которые продавались на блошиных рынках Нью-Йорка, — раскрашенные черно-белые фото рубежа девятнадцатого и двадцатого веков, запечатлевшие девушек из состоятельных семей. У дальней стены поблескивала стеклянная

¹ Традиционная бирманская одежда, напоминающая индийское сари. Как и сари, лонгги состоит из одного куска материи, оборачиваемого вокруг бедер. — *Здесь и далее примеч. перев.*

витрина, уставленная пирожными и рисовыми кексами — лакомством для десятков мух. Рядом на газовой горелке кипел закопченный чайник. В углу громоздились деревянные ящики с оранжевой газировкой. Более жалкого заведения я еще не видела.

Меня донимала жара. Струйки пота текли по вискам, сползая на шею. Джинсы прилипли к телу. И вдобавок старик вдруг встал и подошел ко мне.

— Тысяча извинений, юная госпожа, за то, что осмелился обратиться к вам, — начал он, усаживаясь за столик. — Знаю, вести себя так — крайне невежливо с моей стороны, особенно учитывая, что мы незнакомы и вы не имеете даже отдаленного представления, кто я такой. Меня зовут У Ба. Я много слышал о вас, хотя это никоим образом не извиняет моей бесцеремонности. Полагаю, вы шокированы. Еще бы! Приехали в чужую страну, оказались в провинциальном городишке, зашли в чайный домик и вдруг стали объектом внимания странного человека. Мне в высшей степени понятно ваше состояние, но все же хочется... нет, я просто испытываю необходимость задать один вопрос. Я так долго дожидался этой возможности, что теперь, когда вы здесь, не мог сидеть и молча наблюдать за вами.

Если быть точным, я ждал вас целых четыре года. Сколько дней выхаживал по пыльной главной улице и вглядывался в лица немногочисленных туристов, забредших в наше захолустье. В те редкие дни, когда прилетал самолет из столицы, я, если не был занят, отправлялся в наш маленький аэропорт в надежде на ваше прибытие.

— Долго же вам пришлось дожидаться, — хмыкнула я.

— Только не подумайте, будто я вас упрекаю. Прощу понять меня правильно. Мне много лет, и я не знаю,

сколько еще проживу. В нашей стране люди стареют быстро и умирают молодыми. Вот и конец моей жизни неумолимо приближается, однако я должен был увидеть вас и рассказать одну весьма значимую историю.

Улыбаетесь. Думаете, я выжил из ума? Или считаете меня эксцентричным стариком? У вас есть на это все основания. Только не уходите, прошу! Понимаю: мои слова кажутся в высшей степени странными. Согласен, мой внешний вид не вызывает доверия. Я даже не могу по-настоящему вам улыбнуться. Для этого нужны белые, сверкающие зубы, а не жалкие почерневшие огрызки, которые даже жевать не способны. Это лишь руины прежней улыбки. Окружающим не нравится мое несвежее дыхание. Моя кожа обвисла — болтается на руках, словно белье на веревках. Ноги грязные, все в мозолях от дешевых сандалий. Мою, с позволения сказать, белую рубашку давным-давно пора выбросить на помойку. Поверьте, я весьма щепетилен в подобных вопросах, однако вы видите, в каком положении пребывает наша страна. Поистине в удручающем! Меня никоим образом не устраивает нынешний упадок, но, увы, избавить родину от сей горькой участи я не способен. Я долго учился принимать как данность то, что не в силах изменить. Да не собьет вас с толку мое жалкое обличье! Не путайте стоицизм с утратой интереса к жизни или тем паче с капитуляцией перед ее ударами. Нет, моя дорогая, столь предосудительному малодушию нет места в моем сердце.

Его произношение оставляло желать лучшего, но говорил он на достаточно правильном английском. Вот только слова и обороты... Такие фразы я слышала лишь в старых английских фильмах.

— Но я отвлекся, по глазам вижу, что испытываю ваше терпение. Сделайте одолжение, не отворачивай-

тесь. Я правильно угадал, вас никто не ждет? Вы приехали одна. Посидите со мной еще немного, Джулия, не пожалейте нескольких минут для старика.

Вы изумлены? О, как округлились ваши прекрасные карие глаза. Впервые за все это время вы смотрите на меня. Спрашиваете себя: «Откуда, черт побери, он знает мое имя, если прежде мы никогда не встречались и здесь я впервые?» Вы теряетесь в догадках: может, я случайно увидел наклейку на вашей куртке или рюкзачке? Уверяю, мне это ни к чему. Я знаю не только имя, но и день и час вашего рождения. Мне известно очень многое о малышке Джул, которая больше всего обожала вечерами слушать отца. Я хоть сейчас могу рассказать вашу самую любимую историю — «Сказку о принце, принцессе и крокодиле». Вы часто слушали ее перед сном.

Я замерла, а он продолжил:

— Итак, вас зовут Джулия Вин. Вы родились двадцать восьмого августа тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года в Нью-Йорке. Ваша мать американка, а отец — бирманец. Ваша фамилия стала частью моей истории и моей жизни в тот самый момент, когда я пятьдесят пять лет назад покинул материнскую утробу. А в последние четыре года не было и дня, чтобы я не думал о вас. Потерпите немного: я все объясню. Но вначале позвольте спросить, верите ли вы в любовь?

В устах этого старика вопрос звучал до такой степени нелепо, что я невольно рассмеялась.

— Смеетесь. Какая же вы красивая. Однако я вполне серьезен. Джулия, вы верите в любовь?

Я молчала.

— Конечно же, я спрашиваю не о всплесках страсти, которые побуждают нас говорить и делать то, о чем впоследствии придется жалеть. Речь не о глупых за-

блуждениях, будто нам не прожить без какого-то человека. Мы дрожим от страха, едва подумав, что можем потерять предмет нашей страсти. На самом деле такие чувства скорее обедняют, нежели обогащают, ибо мы жаждем безраздельного обладания тем, что нам не принадлежит, и цепляемся за то, на что не имеем права. Я имею в виду не плотские желания и не любовь к себе — эту паразитку, рядящуюся в одежды бескорыстности.

Нет, Джулия, я говорю о любви, дарующей зрение слепым. О любви, что сильнее страха. Я говорю о любви, которая наполняет жизнь смыслом, противостоит природным законам угасания. Я говорю о любви, не знающей границ, о любви, заставляющей нас расцветать. Я говорю о торжестве человеческого духа над эгоизмом и смертью.

Его монолог начал меня утомлять.

— Качаете головой? Не верите ни во что такое? Не знаете, о чем я говорю? Что ж, ничего удивительного. Я и сам думал по-иному, пока не встретил вашего отца. Не торопитесь забрасывать меня вопросами. Вы все уразумеете, когда услышите мою историю. Четыре года я хранил ее в своем сердце. И сейчас прошу лишь чуточку терпения. Уже поздно, и вы наверняка устали в долгой дороге. Мне же, старику, нужно беречь силы. Надеюсь, вы правильно поймете, если я вас покину. Завтра мы могли бы встретиться снова в это же время, за этим столиком. Кстати, здесь я познакомился с вашим отцом. Он сидел на стуле, где сидите вы, и рассказывал. Должен признаться, я был ошеломлен еще сильнее, чем вы, и недоверчиво качал головой. Никогда и ни от кого я не слышал таких историй. Могут ли у слов вырасти крылья? Способны ли фразы порхать, как бабочки? Разве им под силу пленять нас и уносить в другие миры? Мыслимо ли, что-

бы человек содрогнулся от слов, аки земля — от природного катаклизма? Неужто в их власти открывать потаенные уголки наших душ? Не знаю, умеют ли все это делать сами слова, но вместе с голосом — еще как! А голос вашего отца, Джулия, в тот день был настолько необыкновенный... Такой голос бывает у человека лишь раз в жизни. Пожалуй, он не столько говорил, сколько пел — совсем тихо, но не нашлось в чайном домике посетителя, которого бы его речь не тронула до слез. Фразы сплетались в историю, а из нее рождалась жизнь, являя свою силу и магию. Услышанное в тот день сделало из меня такого же убежденного верующего, как и ваш отец. Он сказал: «Знаешь, У Ба, я — человек нерелигиозный, и любовь — единственная сила, в которую верю». Эти слова я запомнил на всю жизнь.

У Ба посмотрел на меня и встал. Сложил ладони перед грудью, поклонился и вышел из чайного домика быстрой и легкой походкой.

Я провожала его взглядом, пока он не скрылся в уличной толпе.

Хотелось крикнуть ему вслед, что я не верю в силу, способную даровать зрение слепым, не верю в чудеса и магию. Жизнь слишком коротка, чтобы растрачивать ее на тщетные надежды. Уж лучше наслаждаться тем, что есть, чем залезать в дебри самообмана. Верю ли я в любовь? Ну и вопрос! Любовь — не религия. В восемнадцать лет я мечтала о принце, который избавит меня от всех проблем. А когда появился тот, кого я приняла за венценосного суженого, жизнь преподнесла мне жестокий урок. Я на собственной шкуре убедилась, что королевские сыны обитают только в сказках и что любовь делает человека слепым. Хотелось крикнуть этому старику, что мне неведома

более могущественная сила, чем страх. И в торжество над смертью тоже не верю. Нет и нет!

Но я промолчала, ссутулившись на низком табурете. В ушах звучал голос У Ба. Спокойный, мелодичный и по мягкости своей очень напоминающий отцовский. Он, словно эхо, снова и снова повторял слова:

«Посидите со мной еще немного, Джулия, Джулия, Джулия...»

«Вы верите в любовь, в любовь...»

«Ваш отец, отец...»

Я была измотана. Болела голова. Казалось, я наконец-то проснулась, вырвалась из цепких лап кошмара. Вокруг жужжали мухи, садились на волосы, лоб и руки. У меня не хватало сил их отогнать. Передо мной на тарелке лежали три засохших пирожных. Стол был усеян липкими крошками тростникового сахара. Хотела отхлебнуть остывшего чая, но, как ни сжимала стакан, он все равно выскользнул из трясущихся рук. Я наблюдала за его падением — медленным, но не настолько, чтобы поймать беглеца. Посетители удивленно обернулись на звон стекла. Можно подумать, я опрокинула сервант, полный посуды! И зачем я столько времени слушала этого старика? Ведь в любой момент могла его прервать. Нужно было вежливо, но твердо попросить: «Оставьте меня в покое». Или просто встать и уйти. И я уже собиралась это сделать, когда он вдруг сказал: «Джулия, Джулия Вин». Никогда бы не подумала, что собственное имя так меня взбудоражит. Бешено колотилось сердце. Откуда он знает отца? Когда в последний раз его видел? Может, этому У Ба известно, жив ли папа и где скрывается?

Официант отказался брать деньги.

— Вы — друг У Ба. Его друзья — наши гости, — сказал он и поклонился.

Но я все же вытащила из кармана джинсов купюру — засаленную и рваную. Брезгливо поморщившись, запихнула ее под тарелку с пирожными. Официант убрал посуду, но на чаевые не взглянул. А когда я жестом на них указала, лишь улыбнулся.

Может, я слишком мало предложила? Или ему не понравилась заляпанная бумажка? Я выложила на стол более чистую и крупную купюру. Официант поклонился, снова улыбнулся и отошел, не дотронувшись до денег.

На улице было жарче, чем в чайном домике. Жара парализовывала. Я стояла перед кафе, не в силах сделать ни шагу. Солнце жгло кожу, перед воспаленными глазами плясали разноцветные круги. Я надела бейсбольную кепку, стараясь прикрыть лицо козырьком.

Людная улица поразила меня странной тишиной. Чего-то не хватало, и я не сразу поняла, чего именно. Автомобилей. Люди либо шли пешком, либо ехали на велосипедах. На перекрестке я увидела три конные повозки и еще одну, запряженную волами. Изредка все же встречались автомобили — старые, помятые и заржавленные японские пикапы, забитые плетеными корзинами и мешками. Тут же, в кузове, сидели молодые люди и держались за свои пожитки так, будто в них заключалась вся их жизнь.

По обе стороны улицы тянулись приземистые, одноэтажные деревянные лачуги с ржавыми метал-

лическими крышами. Подобные строения я видела в телепередачах о жизни африканских или южноамериканских трущоб. В здешних «бараках» помещались бизнес-конторы и универсамы площадью в сто квадратных футов, где торговали всем: от риса, арахиса и муки до шампуня, кока-колы и пива. Товары лежали совершенно хаотично. Если и существовал какой-то порядок, я его не заметила.

Едва ли не каждое второе строение оказывалось чайным домиком, посетители которого сидели на низеньких деревянных табуретках. Их головы были повязаны зелеными полотенцами. Похоже, для местных жителей такие уборы были столь же привычными, как для меня кепка с эмблемой «Нью-Йорк янкиз». Брюки мужчинам заменяли куски ткани, обернутые вокруг пояса на манер юбок. Почти все курили длинные темно-зеленые сигариллы.

Мне встретились две женщины. Их щеки, лбы и носы покрывали желтые узоры, похожие на боевую раскраску индейцев. Женщины тоже курили вонючие зеленые сигариллы.

Я была на целую голову выше местных жителей, даже мужчин. Зато все они отличались худощавостью, но не сухопаростью и двигались с легкостью и изяществом. Вспомнилась отцовская походка — такая же легкая и изящная. Я восхищалась ею и безуспешно пыталась ей подражать. По нью-йоркским меркам я считалась вполне худенькой. Но здесь, при росте в пять футов девять дюймов и ста тридцати фунтах веса, ощущала себя долговязой, неуклюжей толстухой.

Однако неприятнее всего были пристальные взгляды. Никто из местных и не думал отводить глаза. Наоборот, они разглядывали меня и улыбались. Что вызывало такую реакцию, я не понимала.

Каким пугающим бывает смех!

Некоторые кивали мне. Они что, меня знают? Или, подобно У Ба, ждали моего приезда? Я старалась не смотреть на них, поскольку понятия не имела, как надлежит отвечать на такие приветствия. А потому просто смотрела вдаль, сосредоточившись на воображаемой точке, и пыталась как можно быстрее добраться до гостиницы.

Я вдруг затосковала по Нью-Йорку с его шумом, грохотом и нескончаемым потоком машин, по серьезным, непроницаемым лицам пешеходов, безразличных ко всему вокруг. Я даже скучала по переполненным мусорным бакам и зловонию, которое они источают душными и влажными летними вечерами. Безумно хотелось встретить что-то знакомое, за что можно ухватиться и почувствовать себя в безопасности. Хотелось вернуться в привычный мир, в котором я ориентировалась и знала, как себя вести.

Пройдя сотню ярдов, я оказалась на развилке и вдруг поняла, что не помню, в какой стороне мой отель. Я вертела головой в надежде найти ориентир — дорожный указатель или знакомую деталь ландшафта: куст, дерево, дом, которые я запомнила, выходя из гостиницы на прогулку. Однако мой взгляд натыкался лишь на высоченные бугенвиллеи (они полностью заслоняли лачуги, возле которых росли), выжженные солнцем поля и дорожные рытвины, способные вместить в себя несколько баскетбольных мячей. Словом, куда бы я ни повернулась, везде был чужой, пугающий мир.

Как могло случиться, что я, Джулия Вин, уроженка Нью-Йорка, знающая едва ли не все улицы и улочки Манхэттена, потерялась в жалком городишке, который всего-то три квартала в длину и два в ширину? Куда девались мои память, находчивость и боевой дух,

никогда не оставлявшие меня в прогулках по Сан-Франциско, Парижу и Лондону? Как я позволила себе заблудиться? Я вдруг почувствовала себя одинокой и обескураженной.

— Мисс Вин! Мисс Вин! — окликнул меня чей-то голос.

Я не решилась обернуться, лишь глянула через плечо. Позади стоял незнакомый молодой человек. Он мог быть кем угодно: посыльным гостиницы, официантом чайного домика, носильщиком рангунского аэропорта или столичным таксистом. Лица всех были совершенно одинаковыми: черные волосы, темно-карие глаза, смуглая кожа и непонятная, пугающая улыбка.

— Вы что-то ищете, мисс Вин? Вам помочь?

— Нет, спасибо.

Не доверяю незнакомцам и не желаю зависеть от этого человека. Но оставаться одной в чужом городе тоже не хочется...

— Простите... я... заблудилась. Гостиница... она в какой стороне? — спросила я, мечтая поскорее оказаться в номере, в который вселилась утром.

— Сверните вправо и идите вверх. Минут через пять увидите гостиницу.

— Благодарю вас.

— Надеюсь, вам у нас понравится. Добро пожаловать в Кало, — сказал он и пошел дальше.

В отеле я молча прошла мимо улыбающегося портье, поднялась по массивной деревянной лестнице на второй этаж, толкнула дверь своего номера и плюхнулась на кровать. Давно я так не выматывалась.

Перелет из Нью-Йорка в Рангун занял более трех суток. Потом еще ночь и полдня я тряслась в древнем автобусе, битком набитом людьми, от которых воня-

ло, как от сточной канавы. Вся их одежда состояла из замызганных юбок, ветхих футболок и стоптанных синтетических сандалий. С собой они волокли цыплят и визжащих поросят. Двадцать часов пути по дорогам, которые и дорогами-то назвать нельзя. На что они похожи? По-моему, на русла пересохших рек. Целью моего путешествия был заштатный городишко в отдаленной горной провинции. Зачем я ехала в это бирманское захолустье? Что я тут потеряла? Ничего, но надеялась кое-что найти. Смешно. Я отправилась на поиски, не имея ни малейшего представления о том, чего же я ищу.

Должно быть, я уснула. Солнце успело скрыться, и гостиничный номер тонул в полумраке. На второй кровати лежал чемодан, который я так и не удосужилась открыть. Я озиралась по сторонам, напоминая себе, где нахожусь. Надо мной крутились деревянные лопасти старого потолочного вентилятора. Номер был просторным, однако спартанская меблировка делала его похожим на монашескую келью. Возле двери стоял платяной шкаф, у окна — стол со стулом, а между кроватями — ночной столик. На белых стенах ни зеркала, ни картин. Под ногами поскрипывали старые гладкие половицы. Единственным предметом роскоши был маленький корейский холодильник, да и тот не работал. В открытые окна неторопливо вливался прохладный вечерний воздух, шелестя желтыми портьерами и навевая сон.

Неожиданная встреча со стариком казалась еще абсурднее и загадочнее, чем несколько часов назад. Возможно, из-за сумерек. Память об этой встрече успела размыться и потерять последовательность. Откуда-то выплывали призрачные образы, которые я не могла объяснить, бессмысленные картины. Я по-

пыталась вспомнить лицо У Ба, но в памяти остались лишь густые, седые, коротко стриженные волосы. И странная, совершенно непонятная мне улыбка. Была ли это насмешка? Издевка? Или, наоборот, сочувствие?

Чего он хотел от меня?

Денег! Чего же еще? Он не просил напрямую, однако все его замечания о зубах и рубашке недвусмысленно намекали. Как же я раньше не догадалась? Мое имя он легко мог узнать в гостинице. Возможно, даже сговорился с портье. Старый мошенник хотел разжечь мое любопытство, произвести впечатление, а затем предложить свои услуги предсказателя, астролога или хироманта. Но я не попала на его удочку. Знал бы он, что напрасно расточал красноречие!

И вообще, какие слова из речи У Ба позволяли предположить, что он действительно знаком с отцом? Тот якобы ему сказал: «Знаешь, У Ба, я — человек нерелигиозный, и любовь — единственная сила, в которую верю». Мой папа никогда бы не додумался до такой фразы и уж тем более не стал бы произносить ее вслух, да еще в разговоре с незнакомцем. А может, я сама себя дурачу? Вообразила, будто понимаю мысли и чувства отца! Насколько хорошо я была с ним знакома?

Мог ли папа, которого, как мне казалось, я знаю, внезапно исчезнуть, не оставив даже коротенькой записки? Мог ли бросить жену, сына и дочь, ничего не объяснив и не дав о себе знать?

В полиции нам сообщили, что в Бангкоке его след оборвался. Возможно, в Таиланде отца ограбили и убили.

А может, он стал жертвой несчастного случая на берегу Сиамского залива? Вдруг ему захотелось сменить обстановку и отдохнуть пару недель в тишине?

Прилетел в Таиланд, приехал на побережье, пошел купаться и утонул. Эту версию наша семья приводила, отвечая на многочисленные расспросы, и она считалась как бы официальной.

Полицейский отдел, занимающийся расследованием смертей при невыясненных обстоятельствах, подозревал, что отец вел двойную жизнь. Копы с недоверием отнеслись к утверждениям матери, будто ей ничего не известно о первых двадцати годах жизни ее мужа. Само это утверждение показалось им абсурдным. На первых порах полицейские даже заподозрили мать в причастности к исчезновению мужа, посчитав ее либо сообщницей, либо организатором. Только потом, когда выяснилось, что жизнь папы не была застрахована и что заказное убийство не принесло бы его жене баснословных денег, с матери сняли все подозрения. Следствие пошло по другому руслу. Вдруг потому и окутаны тайной первые двадцать лет жизни отца, что в ней имелась некая скрытая сторона, о которой близкие даже не догадывались? Вдруг он был тайным гомосексуалистом? Или педофилом, решившим удовлетворить порочную страсть в притонах Бангкока?

Хотела ли я узнать всю правду? Хотела ли, чтобы неожиданное открытие очернило его образ — образ верного мужа, успешного юриста, прекрасного и сильного отца, всегда готового помочь своим детям? Не сотвори себе кумира. Не создавай идеалов. Но разве в жизни можно без них обойтись? Если не всю правду, то какую ее часть я способна принять, не разрушив своего мира?

Так что же погнало меня на другой конец света? Я уже не скорбела по отцу. Стадия горя миновала. Четыре года — срок немалый. Поначалу я сильно убивалась, но быстро убедилась в правильности расхожего